

Ирена Куксенайте

художник, куратор, актриса, модель

Алхимический шут

Мы познакомились, кажется, в «Бой-клубе» на Фонтанке до того, как там появилась вся эта дискотека, — примерно в конце 1980-х. Появившись там, Владик сразу же влился в художественную деятельность. Вообще первым его нашел Сергей Чернов, наш известный дизайнер. Он его встретил где-то на Невском — Владик шел очень нарядный, с еще одним молодым человеком. Сергей Чернов привел его в «Сайгон», где Владик тут же со всеми перезнакомился. Потом он, как я понимаю, уехал служить в армию — Байконур и все такое. Затем он вернулся и сразу же вновь обнаружился.

Жизнь была ключом. Владик моментально вписался в художественный контекст. Он стал принимать участие в выставках. Все были им очарованы. Конечно, была масса критических моментов, если учесть свойства его творческой натуры, — побочными

Владислав Мамышев-Монро и Ирена Куксенайте. Санкт-Петербург, 1998. Архив Фонда ММ

явлениями многие чрезвычайно возмущались. Но каждый раз все это было так мило — все его проказы и «объяснительные записки». Мне кажется, они достойные в первую очередь русской литературы конца XX — начала XXI века.

Необходимо отметить его харизматическое начало. Я считаю, что он в высшей степени проявился как алхимический шут. Это та самая высокая вседозволенность, которая дается только человеку, наделенному острым пониманием правды. Ведь он брался за разные образы: от «монрологии» до «гитлеризма» — это только диапазон. А в целом Владик жестоко и цинично высмеивал малейшие недостатки друзей, политиков, культовых фигур. Он обладал даром чуткого понимания и резкого обозначения самых тонких психологических черт окружающих. Это на самом деле редкий дар.

Если мы вспомним «Короля Лира» Шекспира — там, в этой пьесе, шут играет важную роль. Последняя базисная работа Владика в «Полонии» — она же тоже об этом. Создатели этого спектакля пересмотрели значение главных героев: вместо Гамлета на первый план вышел Полоний. Ключевое слово мы не станем здесь расшифровывать, столько ассоциаций оно нам дарит — с таблицей Менделеева в первую очередь.

Олег Котельников подарил мне на день рождения замечательный коллаж «Балтик санрайз» — двойное изображение с головой киборга-Пушкина. По-моему, сейчас в школах и где-то в университетах для иностранцев голову Пушкина насаживают на робота, и он вещает, обучает их русскому языку. Мы тут же стали шутить, фантазировать, что химию должен преподавать Менделеев, ну и так далее. И как раз подумали, что Владик мог бы стать великолепным лектором. То есть мог бы, например, в виде Достоевского вести уроки и мастер-классы на телевидении. Или поэтические программы с Маяковским, Цоем — у него же большой был спектр образов.

До сих пор словосочетание «житие мое» звучит для меня голосом Владика. Этаким ремейк классики. Владик абсорбировал самое интересное. Невозможно было устоять перед этим шармом. Он задействовал все актуальные контексты, вплоть до русской классики, разумеется. Он всегда был в образе. Это и была жизнь как искусство. Неважно, как он произносил свои послания, особенно в поздние годы, — они все были по существу.

Владик широко и внимательно смотрел на все, что вокруг него происходит. Одна из злободневных историй, когда он, еще во время правления Валентины Матвиенко, отправил мне 14 февраля SMS: «Пошли Валентинку на хуй». И его великолепное изображение в образе Валентины Ивановны, на мой взгляд, — это исключительное сходство с оригиналом.

Переодеваться Владик начал еще в школе. И переодевался не только в Монро, но и в ключевые для того времени фигуры — например, в Аллу Пугачеву. Но так получилось, что Мэрилин Монро — это был символ всеобщей планетарной любви. Однако, помимо монрологии, у Владика было много чего в запасе — я думаю, на многие годы. К сожалению,

нию, не все короли понимают, каких шутов им брать в услужение. А сами алхимические шуты, как правило, никого сами не выбирают, остаются независимыми. Это дает свободу делать те великолепные вещи, которые, собственно, и делал Владик.

Давеча я пересмотрела некоторые его работы — например, портрет нашего президента. Удивительная схожесть. В связи с этим он как раз пишет, что в момент перевоплощения есть несколько секунд, когда художник осознает, что «я — это не я», «я — это ты». И в этот момент должен очень часто щелкать затвор фотокамеры. Момент волшебного преобразования был Владиду подвластен — тем не менее он длится секунды, и только тогда можно поймать исключительную сущность объекта.

Серия «Русские вопросы» снималась в том числе в окрестностях Марсова поля. Сюжет «Марфушенька-душенька» был исполнен на кострище, у Вечного огня. На кладбище, можно сказать. «Хозяйку медной горы» мы делали в Доме ученых, в хранилище минералов.

Реквизит — немаловажный фактор. Владик, как в некотором роде шаман, всегда интересовался важными подлинными атрибутами. Он использовал платье Элизабет Тейлор из фильма «Синяя птица», костюм Ихтиандра из «Человека-амфибии» — наш «Ленфильм» был хорошим подспорьем. Владик заново оживлял эти вещи. Никому тогда в голову не приходило предложить их в музейную экспозицию, тем более использовать в художественном проекте. Помимо того, что эти волшебные вещи были великолепно сделаны, они еще были и великолепно использованы Владиком, причем, как минимум, дважды.

Есть такой шаманский момент присвоения — когда, присваивая некие фетиши, он забирает и какую-то их силу. А может быть, Владик таким образом преображал вещи — через свое прикосновение. В конце концов это всего лишь предметы. А кто может, пусть обладая несметным количеством дорогих предметов, повторить искрометный фейерверк, как это делал наш друг? Увы, таких пока не знаю.

В процессе овладения им чужими вещами всегда был и момент испытания человеческих отношений: Владик как будто проверял, насколько человек может разгневаться на него, — или посмеется над ситуацией. Однажды он прихватил с моей книжной полки каталог. А он мне как раз зачем-то понадобился, я звоню Владиду и говорю:

— Куда ты положил каталог, который смотрел вчера?

— Ирена, я положил его на полку, где и взял.

— Я действительно не могу его найти, приди, пожалуйста, и покажи сам.

Приходит Владик и вручает мне каталог и письмо. Объяснительное. Чудесное совершенно. Ему так хотелось рассмотреть и проникнуться художником, который был представлен в каталоге, что он взял у меня его случайно, без спроса, и, разумеется, хотел вернуть. Что и сделал. Но благодаря этому случаю я получила удовольствие прочитать это письмо. Это было так трогательно — Владичкин почерк, его объяснения.

Ирина Куксенайте и Владислав Мамышев-Монро. Санкт-Петербург, 1990-е. Фото: Артур Элгорт

На нашей выставке в «Этажах» они встретились с Эндрю Loganом после долгой ссоры¹. Дело в том, что с какого-то из показов Эндрю Владик ушел с подиума в его украшении. После этого они долго не виделись. Есть чудесная фотография, где Владик в образе такого Скуперфильда-Вертинского, во фраке, в цилиндре, элегантиссимо. Абсолютно карикатурный образ, элегантный, узнаваемый. На вернисаже они нежнейше расцеловались — конечно, он был прощен немедленно. Как не простить Владика?

Сцена для него не заканчивалась подиумом или съемочной площадкой. В этом смысле ничего необычного не было в том, что Владик украшал себя прямо на месте. Помню, были гости, в ванной стоял флакон Chanel Cristalle. Потом я обнаружила вместо него полупустой пузырек Chanel Coco. Я позвонила Владиду и сказала, что не пользуюсь этими духами. Он ответил: «Это не я, это Нора!» В других обстоятельствах он мог назвать Катю Голицыну, например, или кого-то еще. Это было очень весело, эти нежные переводы стрел — девичьи какие-то истории. Если бы можно было отдать все «шанель» за то, чтобы Владик по-прежнему радовал нас!

1. См. также воспоминания Ольги Остерберг на с. 228 и интервью Елизаветы Березовской с Эндрю Loganом на с. 172 настоящего издания.

Трудно что-то выделить в бесконечном калейдоскопе историй, связанных с Владиком. Все делалось так или иначе совместно. Все перетекало одно в другое. Например, незадолго до столетия со дня рождения Владимира Маяковского мне приснился сон, где я увидела Маяковского через стекло, очень близко. Он сказал, что он скоро вернется. У меня возникла идея процарапывания стекла, и первые работы в этой технике были посвящены именно Маяковскому. Я создала несколько его изображений, используя лазер. Владик чрезвычайно заинтересовался этой технологией и сразу же принялся расцарапывать фотографии, породив прекраснейший жанр. Его «расцарапки» великолепны и уникальны. При этом не стоит вопрос, кто, что и когда придумал. А главное — кто, что и как исполняет.

Его работа в проекте «Пиратское телевидение» имела разные фазы активности. «Расцарапки» и его стенгазеты составляли предмет ежедневного кропотливого труда. Все это было трудом репортера. Владик работал с материалом, который поставляла сама жизнь, события, происходившие вокруг.

Те, кто удосуживался быть рядом с ним, удостоивались чести быть отмеченными в той или иной своей ипостаси. В красивом или не очень облике, но всегда достоверном. Так мы все являлись участниками одного большого художественного процесса. Тогда никто не придавал этому особого значения — вокруг царили бодрость, радость и веселье, любые пространства были открыты, любая инициатива тут же получала развитие. Это случалось каждый день. На мертвых ныне площадках, как, например, этот Нелетний несад, проводились поэтические вечера, выступления, организованные Тимуром Новиковым, его Новой Академией Изящных Искусств, «Речниками». Каждый день были фотосессии — то Владика, то чьи-то еще. Весь город был насыщен событиями днем и ночью.

С Владиком мы все время обсуждали какие-то сны. Анализировали сказочный контекст. Однажды я рассказала ему замечательный сон про Любовь Орлову, который мне приснился. Роскошное советское фойе с гигантским зеркалом, бордовые портьеры. Я в платье в пол, расшитом черным стеклярусом, локоны подвиты. Я понимаю, что я — это я, но вот в таком вот интересном обличье. Подходит человек в форме образца 1940-х годов:

— Пойдемте, пойдемте, он уже пришел.

Он меня выводит на сцену и подводит к Иосифу Виссарионовичу Сталину. Он, такой добрый и нежный мужчина, стоит и вкрадчиво смотрит мне в глаза. И говорит:

— Спасибо вам.

И вручает мне Золотую Звезду. Снимает ее со своего кителя.

Я думаю: «Сначала звезду, а потом...» — и отступаю назад со словами:

— Я вам очень признательна, я сейчас вернусь, мне только нужно припудрить носик.

Возвращаюсь в это фойе и, как Алиса в Зазеркалье, просто ломлюсь в огромное зеркало от греха подальше. И просыпаюсь.

Рассказываю этот сон Владике, случается развернутая беседа. Удивительно, что в конечном счете он попал на дачу Орловой и видел ее фотографии, сложенные в коробки, и архивы с сюжетами, похожими на то, что он делал. Он ловил истории медиумов и работал с ними.

С Владиком мы вспоминали все, что мы любили в Любви Орловой во всех ее фильмах. И Владик сразу начинал что-то делать после таких разговоров. Ничто не проходило для него даром. Любое обсуждение, любое слово, которое было интересно, рождало образ. Владик был в этом смысле метеор — он не раздумывал, а делал. Это редчайшее достоинство, которое он, безусловно, воспринял и из общения с Тимуром Новиковым. Они были очень важны друг для друга. Тимур Петрович мгновенно воспринял этот мегаталант. Когда на выставке к 50-летию Тимура Новикова в Эрмитаже² фильм «Золотое сечение» с удивлением разглядывали доктор Пиотровский и многочисленные гости экспозиции, Владик воскликнул: «Это же триумф моей попы в Эрмитаже!»³.

Известна фраза Новикова, сказанная, когда Владик мигрировал в Москву: «Это наше бактериологическое оружие»⁴. Знаковая фраза в контексте тогдашнего противостояния двух столиц. Все, что он нес в себе, было очень весело и талантливо, и Владик вполне оправдал надежды. Его приключения широко известны. Он неоднократно подтвердил свое звание чемпиона в выбранном направлении.

У нас были исключительно нежные отношения — и сплетни, и оценки окружающих. Я скучаю без этого, разумеется. Про свою личную жизнь он говорил мне, только когда был влюблен. Каждый раз, когда это случалось, речь шла об исключительных переживаниях. Владик никогда не озвучивал проходные сексуальные приключения — это вообще был моветон. Я знала все его увлечения именно как истории сердечные. Он восхищался самыми необычными, на мой взгляд, людьми, но что тут поделаешь? Известен эпизод, сначала трагикомический, а потом действительно трагический, когда он был влюблен в Виктора Фролова. Была прекрасная пара — Виктор Фролов и Алиса Леонова, и Владик культивировал сюжет трагической, невозможной любви: он жил у них, делал фотосессии на эту тему и, как ни крути, невольно напророчил: союз распался по причине ухода Алисы в мир иной.

Если мы начнем рассматривать мистерии Владика, то увидим, что они все в каком-то смысле пророческие: эта сатира на грани предвидения. Возможна и обратная связь. Мусульмане говорят, что с художников особый спрос — они в ответе за то, что визуа-

2. Пространство Тимура. Петербург — Нью-Йорк. К 50-летию Тимура Новикова. Государственный Эрмитаж, 2008. Куратор Аркадий Ипполитов.

3. Фильм «Красный квадрат, или Золотое сечение (Опять двойка-2)», 1999. Режиссер Игорь Безруков. См.: Андреева Е. Золотое сечение, или Апология живописи // Художественный журнал, 2002, № 43/44. С. 51.

4. См. также воспоминания Ольги Остерберг на с. 228 настоящего издания.

Вите и Олесе от группы модников. 1990-е. Фотография, маркер. Архив Олеси Туркиной и Виктора Мазина.
Слева направо: Ирена Куксенайте, Владислав Мамышев-Монро и Марк Алмонд

лизируют. Люди, владеющие этим сокровищем, инструментарием, должны очень четко понимать: зачем, для чего. Один его «Полоний» чего стоит. Придуманная им рубрика «Смерть замечательных людей», концентрация этих смертей, мягко говоря, нерви- ровала. Хотелось бы больше «Жизней замечательных Монро». Владов Королевичей, Ландышевых-Добро. И многих других чудесных воплощений. Потому что сказка ложь, да в ней намек.

Интервью: Алексей Ловцов